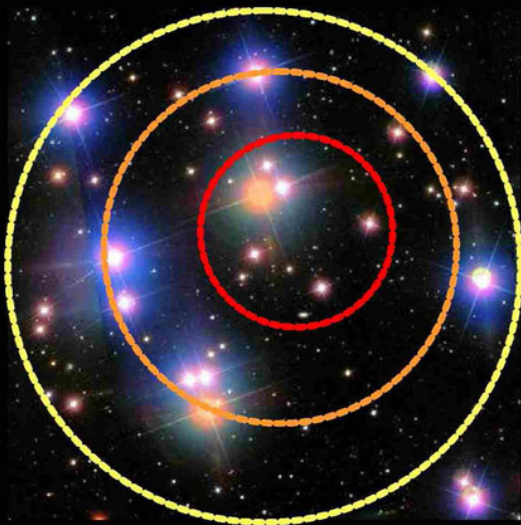

Елена САДЫКОВА

БУБЕН

Елена Геннадьевна Садыкова

Бубен

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23961296

Бубен / Елена Садыкова: Юнион Консалтинг Групп; Москва; 2010

Аннотация

Великая жрица, дочь правителя древнего царства Междуречья, оказывается жертвой мести врагов ее отца. Потеряв свое могущество, она сохраняет знания, полученные в Зиккурате. И благодаря этим знаниям обретает власть и теряет ее также закономерно, как прибывает и убывает Луна на небе. Ей предстоит путь, пройти который не решился бы ни один современный человек.

Между тем, героиня серии книг, Елена Залесная приезжает с детьми на дачу, которая находится в том месте, где четыре тысячи лет назад был котел народов. Живые горы и дольмены, окружающие небольшой домик в горах становятся причиной странных событий, начавшихся с того самого момента, когда зажегся свет над дачным крыльцом. Героиня невольно прикасается к тому, что оставлено жрицей и должно принадлежать только ей, иначе исправить линии судеб будет невозможно.

Содержание

1	4
2	8
3	15
4	21
5	29
6	32
7	35
8	39
9	45
10	54
11	60
12	66
13	71
14	77
15	84
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Елена Садыкова

Бубен

Когда чернеет последний снег и колдовские силы проявляют свою сущность, шаманы окрестных земель собираются вместе, чтобы проделать Путь в Мир Духов за новым знанием...

1

В одиночку проделать такой Путь под силу лишь Великому Шаману, но таковых в этих местах уже давно не водилось, так что пришлось большим и малым шаманам забыть про свои амбиции, чтобы по справедливости и силе расставить каждого на своем месте в Лодке Мертвых. Выбрав Рулевого и того, Кто прокладывает Путь, шаманы собирались у большого костра, чтобы каждый мог согреть свой бубен и напиться силой огня. Старый шаман, не спешивший передавать свои дела молодому ученику, обратился к присутствующим:

– Я прошу слова у почтенного собрания!

Присутствующие зашумели, с опаской и подозрением глядя на поднявшего свой бубен старика. Многих из сидящих здесь лишил он духов-помощников, забрав их силу и укрепив свой род. Поэтому все с тревогой ждали, что скажет ненасытный Старик. Подождав, пока возгласы смолкнут, он

тихо сказал, продолжая сидеть возле костра:

– Самая середина Весны – сильное Время. Каждый из нас может видеть истинную сущность другого. Чья сила увеличилась, а чья уменьшилась. Все, чего мы достигли за год и что мы действительно из себя представляем. Мы видим новые *ие-кыпа* наших собратьев.

Шаманы настороженно молчали, едва придвинувшись к огню и образовав плотное кольцо вокруг сидящего Старика. Он не смотрел на их лица. Он смотрел в огонь.

– Так вот, я могу поздравить шамана из рода Майнагашевых. Он приобрел себе нового духа-покровителя. Его покровителем теперь стал степной волк. И хотя мы знаем, как ненасытно это животное, мы знаем также и о его силе. Это хорошее знамение для рода.

В глазах присутствующих отразилось любопытство – куда клонит Старый Лис?

Старик с трудом поднялся с колен и повернулся лицом к присутствующим:

– Вы все видели нового Волка среди нас?

Шаманы закивали в знак согласия.

– Да. Мы видели!

Внезапно голос Старика стал раскатистым и звенящим, будто кто ударял изо всей силы колотушкой по пустому железному котлу:

– А кто из вас видел Тигра? Огромного Белого Тигра?

Шаманы в ужасе расступились, отпрянув от него, как от чумного.

– Тигра?! Здесь?!

Голос Старика стал тише, он снова присел у костра.

– А может, вы не хотите его видеть? Может, вы боитесь?

Шаманы стояли в задумчивости, вглядываясь в надвигающуюся темноту, сквозь которую расстилалась вниз по реке сиреневатая дымка костра. Рычание, принятое было ими за раскаты грома, едва слышалось вдалеке. Старик понял, о чем они думают, и усмехнулся:

– Грозы в это время не бывает! Решайте, сможем ли мы отправляться в Путь, если сюда идет Тигр?

Лица шаманов стали серьезны и полны решимости. Вперед выступил Шаман Иглек, крепкий мужчина лет сорока. Его духом-покровителем был медведь, и это обеспечивало ему уважение и даже некоторый страх со стороны более слабых собратьев.

– Совместное путешествие дает нам силы преодолеть Путь, который не осилить поодиночке. Вернувшись, каждый получит новые силы и новые знания. Камлание в одиночку не позволяет уйти далеко и пробыть в Нижнем Мире так долго, как мы смогли бы продержаться сообща.

Противоречивые мысли высветили на лицах стоящих огненные блики. Кто опасался за род, оставляемый без присмотра на время Путешествия, а кто боялся и не верил в свое благополучное возвращение. Опасность теперь будет ждать

их не только в Нижнем Мире, но и здесь. Обессиленные после Путешествия, они могут стать легкой добычей Врага.

Старик снова взял слово:

– Мы можем оставить нескольких из нас здесь, чтобы охранять вход в Нижний Мир и сохранять равновесие между родами во время нашего отсутствия.

Иглек поддержал Старика:

– Мы сократим Путь и пробудем в Нижнем Мире всего два дня. День – туда и день – обратно. Остается только назначить сторожевых перед отплытием.

Проявив редкостное единодушие, шаманы выбрали Сову и Собаку сторожить Врата и Земли, пока они будут отсутствовать.

В стилом звенящем воздухе проносились запоздалые *иекыла*, видимые лишь *когда чернеет последний снег...*

2

Странные письма продолжали приходить. Поначалу Данил не обращал на них внимания, парой кнопок удаляя все сообщения как нежелательные. Но после седьмого письма на его имя он почему-то решил открыть сообщение. Международная консалтинговая компания The Union Consulting Group обращалась к нему с необычным и даже вызывающим предложением. Пробежав глазами первые несколько строчек, Данил откинулся в кресле и присвистнул.

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Он нажал кнопку вызова секретаря.

– Алексей, я тебе на компьютер перекинул одно сообщение. Через полчаса жду тебя с информацией об этой компании. Все, что удастся найти.

Алексей – педантичный молодой человек, немного занудный для своего юного возраста, но работавший со скоростью вентилятора средней мощности, – через двадцать минут появился в кабинете Данила Залесного, владельца одного из крупнейших в городе рекламных агентств «Виста». Положив перед директором черную папку, Алексей сказал, растягивая слова в своей обычной манере:

– Данил Николаевич, вот все, что есть в Интернете и что удалось собрать из местных источников.

– А рекомендации их клиентов?

Алексей пожал плечами.

– У них нет опубликованного списка клиентов. Я позвонил в пару компаний, но мне сказали, что туда обращаются только с проблемами, которые не обсуждают по телефону.

Данил улыбнулся:

– Ну, хорошо. Покажи, что у нас есть на этих проктологов.

Отпустив Алексея, Данил принялся просматривать материалы. Странная компания. Несколько лет работает в сфере стратегического мышления, а информация открыта только по международным семинарам. Данил с интересом просмотрел резюме генерального: Садыков Андрей Гаптухалиевич, сорок лет, из которых почти двадцать занимается историей религии и протокультурами. Отложив папку, Данил закурил.

– Бред какой-то!

Он вернулся к работе и открыл расчеты для нового проекта видеогалереи. Просмотрев пару колонок цифр, понял, что почти не вникает в суть дела. Он продолжает думать о странном письме. Данил снова открыл свой электронный ящик и пробежал глазами нижнюю часть сообщения: «... если это предложение вызвало у Вас интерес, Вы можете получить более подробную информацию у нас в офисе, по адресу...». Далее стояли несколько телефонов. Данил снова нажал кнопку связи:

– Алексей, соедините меня с «Юнион Консалтинг».

– Хорошо, Данил Николаевич.

Какое-то время в трубке играла веселая музыка, потом слышался глубокий мужской голос:

– Слушаю вас, Данил Николаевич.

– Андрей Гаптухалиевич?

– Да. Вы хотели бы встретиться?

Данил на мгновение задумался, потом пожал плечами: «А почему бы и нет?»

– Да, хотел бы.

– Завтра, в одиннадцать, вам подойдет?

– Подойдет. Где?

– Можно у меня.

– Хорошо, я приеду.

Данил положил трубку. Через минуту в дверь постучал Алексей.

– Данил Николаевич, вот адрес и схема проезда.

Данил кивнул и сложил все обратно в черную папку, лежавшую на самом краю его огромного стола.

В среду шел дождь, пробки на дорогах вкупе с ремонтными работами портили настроение сразу и на весь день. Было уже около половины двенадцатого, когда Данил припарковал свою машину возле здания, отмеченного крестиком на карте. Невысокая пристройка серого кирпича выходила прямо на парковку. Открыв тяжелую дверь темного дерева, Данил очутился перед лестницей, ведущей на второй этаж. Сверху доносились звуки кухни и слышались голоса. Данил достал

телефон и набрал Алексея. Размеренный голос помощника сообщил:

– Господин Садыков ждет вас. Я еще утром передоговорился с ним на половину двенадцатого.

Данил внутренне усмехнулся, но мысленно поблагодарил Алексея. Поднявшись на второй этаж, Данил прошел по пустынному коридору и оказался перед двустворчатой стеклянной дверью, за которой было абсолютно темно. За всеми дверьми, кроме этой, слышались звуки офисной жизни, и Данил уже начал сомневаться, что пришел правильно. Он нажал кнопку звонка, и к его удивлению дверь тотчас распахнулась. Он шагнул в темноту. Внезапно у него за спиной возникла девушка с огромной копной иссиня-черных волос и прошептала:

– Извините, у нас что-то с электричеством сегодня. Вы господин Залесный?

Данил кивнул:

– Да, это я.

Девушка просияла:

– Андрей Гаптухалиевич ждет вас.

Она с силой толкнула перед собой невидимую в темноте обитую железом дверь и пропустила его в небольшой кабинет, оформленный в китайском стиле. Красные иероглифы на стенах, причудливые фигурки и чайные сервизы с клеймом авторов вызвали у Данила странные чувства. Предложения, сделанные ему этой компанией, не соответствовали

тому духу, который царил в офисе, больше похожем на антикварную лавку.

Хозяин оказался приятным, немного полноватым мужчиной в роговых очках, при этом весьма располагающим к приятным беседам. Показав секретарше на одну из банок с зеленым чаем, он предложил Данилу сесть.

– Скажите, что вас так удивляет?

Данил немного смутился:

– А что, у меня удивленный вид?

– Скорее озадаченный.

– Да, признаться, меня озадачило ваше предложение. В такие Игры я еще не играл.

Садыков улыбнулся и предложил гостю выбрать себе чашку для чая:

– Я часто бываю в Китае и привожу разные приятные мелочи.

Данил взял в руки и посмотрел на свет голубоватую чашку с зеленым орнаментом в виде драконов.

– Это хорошая чашка, самого лучшего фарфора. Вам будет приятно пить из нее. Говорят, что ее особенно любил Ли Сы.

– Кто это?

– Это Главный евнух первого императора Китая.

Данил в ужасе поставил чашку на место.

– А что-нибудь попроще у вас есть?

– Найдем.

Вошла секретарша с чайной доской и чайником.

– Анечка, принесите нам глину.

Данил посмотрел на часы. Был уже полдень. Время летело незаметно в этом странном кабинете.

– Зачем нам глина? Мы что, будем лепить?

– Нет. Все уже слепили до нас. Это сервиз черной глины. Середина прошлого века. Никаких евнухов.

Данил уселся поудобнее возле небольшого столика, который быстро заполнялся необычными предметами – щипцами, метелками, кувшинчиками и чайниками. Запах благовоний расслаблял и проникал в мозг, смешиваясь с ароматом крепкого зеленого чая.

С интересом рассматривая каллиграфические картины на стенах, Данил спросил:

– Почему вы отправили предложение нашей компании?

Садыков не торопясь допил свой чай, взял со стола красную увесистую папку и положил перед Данилом.

– Мы отправили предложение не только вашей компании. Мы сделали подобное предложение еще нескольким компаниям, испытывающим на данный момент затруднения.

Данил удивился:

– Затруднения? Но у нас пока нет проблем.

Андрей Гаптухалиевич встал, подошел к невысокому стеллажу и достал еще пару папок.

– Вы совершенно правы. ПОКА у вас все в порядке. Но давайте посмотрим на полгода вперед.

Данил уже начал было жалеть, что пришел сюда, но следующие слова этого спокойного неторопливого человека заставили его думать по-другому.

– Вы даже представить себе не можете, от какой мелочи порой зависит жизнь человека или процветание компании. Ошибка маленького человека, который, ну, скажем, просто поторопился на обед или нажал не ту кнопку в системе и запустил процесс, который сам не может контролировать...

В висках у Данила застучало. Как этот странный человек может знать о его проблемах с банком? Банк вряд ли будет распространяться о некомпетентности своих сотрудников. А сам Данил тем более. Пока Данил размышлял, Садыков, наблюдая за сменой его настроений, продолжил:

– Случайная ошибка влечет за собой ситуацию, на которую вы пока вынуждены смотреть сквозь пальцы и которая скоро приведет к проблемам куда более серьезным...

Лето 2290 года до н. э. выдалось жарким. Великий и могущественный Саргон сдержал слово, данное Богине Луны, и вот уже несколько шумерских городов пало под его натиском. Лучники Саргона легко сминали неповоротливых копьеносцев с огромными щитами – единственное, что смогли противопоставить ему незадачливые правители Южного царства. Да и царством это назвать было нельзя, потому что каждый город имел свою собственную власть – верховного жреца или жреца-воина. Разрозненные города, не имевшие сильного централизованного управления, бросали свои укрепления и один за другим сдавались на милость победителей.

Никто не знает, сколько бы еще продолжалась война, если бы не хорошая новость, быстро распространившаяся по лагерю Саргона, – сегодня, в третий день шестого лунного месяца, в самый жаркий день этого года, был взят в плен сам Загесси, глава военного союза шумеров. Неожиданное известие заставило Саргона призадуматься. От того, как он поступит со своим противником, может зависеть его собственное будущее.

Саргон временно приостановил свой военный поход и объявил недельное перемирие. Пока воины зашивали раны и чистили оружие, Великий Саргон велел созвать Малый Со-

вет. Малый Совет всегда собирался, когда речь шла о конфиденциальных делах и не требовалось вмешательство военных. Верховный жрец Аккада, еще довольно молодой человек, прибыл не один. Он пришел в сопровождении жреца покоренного Ниппура, служителя храма верховного божества шумеров – Энлиля. От имени богини Иннан-ны на Совете говорила энту – главная жрица храма, покровительствовавшая Саргону с того самого момента, когда он еще незрелым юношей вошел в храм Иннанны. Он пришел туда простым слугой правителя города Киш, а вышел возлюбленным самой богини, которая привела его к трону. Сначала небольшого государства, а потом к короне Верхней Месопотамии. И теперь, когда Саргону оставалось лишь завоевать Нижнее царство, в его руках оказался сам Загесси.

Охране было приказано оцепить шатер Саргона на расстоянии крика, так, чтобы никто не мог слышать, о чем будут говорить жрецы. Никто не смел проникнуть туда под страхом смерти, пока последний гость не покинет священное место и не скроется в ночи.

Саргон, как обычно, занял место в глубине шатра, на кресле, накрытом его походным плащом, стоявшем чуть выше остальных. По правую руку от него расположился жрец его родного города Аккада, сразу за которым занял место служитель Бога Энлиля. По левую руку полулежала жрица Иннанны. Все знали, зачем пригласил их сегодня Саргон, но никто

не решался первым затронуть щекотливую тему, пока сам хозяин не задал вопрос:

– Что скажут боги? Должен ли я сохранить жизнь лугалья Загесси, или же мне следует поступить с ним как с врагом?

Жрица чуть улыбнулась и красиво изогнула свое изящное тело, почти обнажив при этом грудь.

– А кем тебя считает лугаль Загесси?

Саргон содрогнулся.

– Загесси считает меня бастардом, зачатым вне храма. Простым человеком. Хотя моя мать была энтум, она вынуждена была избавиться от меня, оставив на воспитание огороднику Акки.

Жрец Энлиля прикрыл глаза и покачал головой при столь откровенных словах воителя Аккада:

– Теперь мне понятно, почему Загесси отклонил ваше предложение жениться на его сестре.

Жрец Аккада сделал попытку сгладить столь поспешные слова своего коллеги:

– Этот брак избавил бы нас от многих проблем. А теперь мы должны думать, как подчинить родовую знать. Завоевать города Междуречья не проблема, проблема – как потом удержать власть. Правитель, который не ведет свой род от знаменитого предка или бога, не может рассчитывать на поддержку храмов и общин.

Саргон начинал терять терпение:

– О храмах ли мы сейчас говорим?

Жрица широко открыла раскосые глаза, густо подведенные сурьмой, и томным голосом произнесла:

– Так зачем оставлять жизнь человеку, который никогда не признает тебя? Но просто убить его нельзя. Он коронован в Белом Храме и признан всеми номами шумеров как правитель, данный богами. Боги шумеров не потерпят, если незаконнорожденный выскочка пойдет против их воли.

Саргон сжал рукоять меча, но внешне оставался спокоен. От жрицы не ускользнуло это напряжение повелителя.

– Может, жрец Энлиля скажет нам, как поступить завоевателю, который хочет подчинить себе Шумер?

Молодой жрец поднялся, подошел к очагу, в котором не было огня, протянул руку над воображаемым пламенем и, растягивая слова, сказал:

– Загесси короновал Энлиль – верховный бог шумеров, значит Энлиль должен расторгнуть договор с лугалем Загесси.

Саргон мысленно поблагодарил жреца Аккада, догадавшегося привести с собой жреца, знакомого с обычаями покоренных городов. Он теперь внимательно вслушивался в то, что говорит этот жрец...

С восходом солнца на глазах у всей армии пленный лугаль Загесси был облачен в торжественные одежды. Затем двое здоровенных воинов армии Великого Саргона заковали его в особые медные оковы, что соответствовало высокому

званию правителя. Жрецы Ниппура, главного города шумеров, где происходило это из ряда вон выходящее событие, собравшись на втором ярусе Белого Храма, молча смотрели вниз на необычную процессию.

Возглавляли шествие знаменосцы с флагами Загесси, которые они несли чуть спущенными, словно оплакивая своего правителя. Мерный бой барабанов, под который двигались стройные ряды хорошо вооруженных людей, вызывал дрожь тревоги у всех, кому довелось быть свидетелями древнего ритуала низложения.

Среди жрецов пронесся ропот:

– Откуда они узнали?.. Кто мог им рассказать?.. Предательство!..

Саргон с десятком лучших воинов замыкал колонну. Поравнявшись с Белым Храмом, он склонил голову, приветствуя жрецов. Жрецы замерли в недоумении. Наконец хранитель ключей Храма сказал:

– Теперь у него не будет препятствий. Он действует от имени и по воле бога Энлиля. Не успеет солнце войти в знак Козерога, как вся Месопотамия будет лежать поверженной у его ног...

Процессия приостановилась у Ворот Храма бога Энлиля. По обеим сторонам ворот лежал разрубленный надвое белый козленок. Еще пахло свежей кровью, которой окропили дорогу вдоль Главных Ворот. Глашатай прокричал:

– Договор расторгнут! Загесси больше не вождь всех шу-

меров! Энлиль отказывается покровительствовать ему!

Загесси силой втокнули в Ворота, войдя в которые вождем, он вышел простым смертным, лишенным титулов и покровителей. Боги отвернулись от него. Великого воина и правителя подвели к небольшому помосту, который хорошо был виден отовсюду, сняли оковы, связав руки за спиной простой веревкой, и бросили на свежеструганные доски.

Огромный воин из стражи Саргона наступил ему коленом на спину и стал с силой тянуть голову Загесси назад, ломая хребет. Из рта умирающего вождя вытекла струйка крови. Загесси чуть приоткрыл глаза и прошептал:

– Я проклинаяю тебя, простолюдин Саргон, за то унижение, через которое ты заставил меня пройти. Твой город будет разрушен, а твои боги уничтожены... Смерть твоя будет страшнее моей...

Слова умирающего были тотчас переданы Саргону. Это взбесило его, и он приказал не предавать тело Загесси земле, как намеревался вначале, а вывесить его на воротах на расклевывание воронам. В тот же день Саргон повелел прекратить перемирие и двинул свои войска на Лагаш и дальше, на Ур и Урук, где в храме Эанны с глубокой древности правили боги Ан и Иннанны...

В лучах заходящего солнца хрупкая фигура девушки, казалось, была соткана из первого сумрака, надвигающегося на долину. Забравшись с ногами на самую высокую ступень храмовой лестницы, Пуаби размышляла. С тех пор, как отец приказал ей стать верховной жрицей храма, она не знала уединения, и лишь сегодня ей удалось тайком от наставника улизнуть из святилища. Она ненавидела здесь все – от грандиозных храмовых сооружений до пропахшего удушливыми благовониями огромного золоченого алтаря. Она чувствовала себя кошкой, которая лучше видит в темноте, чем при дневном свете, потому что вечный полумрак подземных переходов и священных залов, где не было ни малейшего луча солнца, царил безраздельно. Это был храм богини Луны – Иннанны, и Пуаби еще девочкой вошла сюда по приказу отца – властителя Саргона. Саргон завоевал эти земли шесть лет назад, и как предусмотрительный правитель он старался распределить самые значимые в государстве места среди своей семьи, среди тех, с кем он был связан кровными узами. С одиннадцати лет Пуаби начали готовить к тому, чтобы стать верховной жрицей, не только исполнявшей роль главной хранительницы древних знаний о Возрождающейся богине, но и занимающей важное место в управлении землями Шумера. Ее голос был равен голосу богини, и ему подчи-

нялись беспрекословно все, кто не желал навлечь на себя и своих близких немилость небес.

Верховная жрица подобна богине, она не принадлежит себе. Девочке казалось, что самые строгие запреты и наказания придуманы специально для нее. Ей не позволялось ничего из того, что было позволено другим детям. Даже простая жрица имела больше прав и свободы, чем Пуаби. Так было до сегодняшнего дня. Но сегодня утром все переменялось. В ее комнату, чуть начал светлеть небосвод, вошла целая процессия жриц и жрецов в самых торжественных одеждах, какие надевали лишь по особым случаям. Выстроившись в ряд согласно своим званиям и положению, они стояли молча в ожидании Наставника. Пуаби лежала на своей кровати с закрытыми глазами, не смея пошевелиться. Она ждала. Наконец вошел Наставник и торжественно произнес:

– Встань, Иннанна!

Пуаби оставалась неподвижной.

Хор жрецов повторил за Наставником:

– Встань, Иннанна!

Пуаби медленно поднялась и встала с кровати. Глаза ее были закрыты. Она не смела открывать глаза в то время, когда богиня Луны уходила. Луна и Солнце не встречаются. Луна не может видеть Солнце. Пуаби могла открывать глаза лишь после захода солнца, и поэтому она сейчас стояла перед высокородным собранием с закрытыми глазами. Голос

Наставника прозвучал где-то совсем близко от нее:

– Открой глаза!

Пуаби не верила своим ушам, однако жрецы хором повторили приказ Наставника:

– Открой глаза!

Она медленно приподняла веки и тотчас опустила их – нестерпимый солнечный свет бил по ее глазам, привыкшим к темноте.

Голос жрецов звучал все громче:

– Открой глаза!

Пуаби с трудом заставила себя приоткрыть глаза, и тотчас они наполнились слезами от режущего яркого света. Наставник подошел к ней и ладонью прикрыл ее глаза, давая возможность немного привыкнуть к свету. Наконец Пуаби сказала:

– Можете убрать руку.

Слезы текли по ее лицу, но она не вытирала их. Богиня не могла сама делать такую работу. Младшая жрица с поклоном подошла к своей богине и вытерла ей лицо белоснежной тканью. Пуаби огляделась. В свете дня все выглядело несколько иначе. Золото на одеждах жрецов сияло как огонь. Краска на их лицах была ослепительно белой, а подведенные черные глаза казались неестественно огромными. Пуаби знала, что нельзя опускать глаза, и медленно переводила взгляд с одного подданного на другого. Это были ее слуги и мучители. Они следовали за нею всюду, и теперь даже днем она не

будет знать покоя. Несколько служанок внесли ее одежду, и церемония облачения продолжалась почти до полудня. Теперь Пуаби предстояло обойти свои владения при свете дня.

Она возглавила процессию и медленно двинулась от центрального алтаря по спиральным переходам Зиккурата. Обходя залы и кладовые, она оставляла каждого жреца там, где было его место службы. Процессия незаметно редела, и к северо-западным воротам храма Пуаби подошла одна в сопровождении Наставника. Отметив своим присутствием центральные ворота, она повернула обратно. Однако, пройдя несколько шагов, остановилась и огляделась. Вокруг не было ни души. Пуаби приказала Наставнику подойти поближе и тихо спросила:

– Почему церемония состоялась сегодня? Праздник еще через три недели.

Наставник покачал головой.

– Сегодня ты стала верховной жрицей богини Луны. Послушай меня, девочка, и постарайся принять то, что я сейчас скажу. Твой отец – сильный и смелый мужчина, он глава государства. Он владеет искусством подчинения людей, но не все знает о священных местных обрядах.

Наставник глотнул побольше воздуха, словно ему нужны были силы, чтобы закончить свою речь.

– Позиции верховных жрецов были столь сильны в этом государстве, которое он завоевал, что ему ничего не оста-

валось, как назначить верховными жрецами своих кровных родственников. И ты знаешь, почему.

Пуаби кивнула. Да, она хорошо знала законы крови. И знала, что убийство кровного родственника – самое тяжкое преступление, которое боги жестоко карают до седьмого колена, проклиная эту кровь. Наставник смотрел ей прямо в глаза.

– Саргон, твой отец, всегда был уважителен к богам и поначалу намеревался отдать тебя в жрицы богу Нанне в Ур, но чей-то недобрый совет сослужил тебе и твоему отцу плохую службу. И он решил сделать тебя верховной жрицей богини Иннанны в Уруке.

Пуаби прислонилась к стене, почуяв недоброе в словах Наставника.

– И что плохого в этом решении?

Брови Наставника сдвинулись в тонкую грозную линию.

– Ты спрашиваешь, что плохого в этом? Тогда ответь мне, что плохого может быть в кровосмешении!

Пуаби плотнее вжалась в стену, не веря своим ушам. Наставник подошел к ней и положил свою старческую высохшую ладонь на ее голову.

– Саргон не знал всех тонкостей древних ритуалов этой земли, а недобрые люди указали ему путь позора. Поговаривают, что это дело рук сторонников Загессии, которого твой отец казнил столь неподобающим образом.

Пуаби закрыла глаза – так ей было легче слушать, что говорит Наставник.

– Через три луны должен состояться Ритуал. Богиня Луны и верховный жрец должны сочетаться ритуальным браком, а ребенок, рожденный от этого брака, будет признан законным наследником правителя.

Сердце Пуаби на мгновение остановилось. Она попыталась закричать, но Наставник с силой, неожиданной для строго человека, зажал ей рот.

– Тихо! Ни к чему, чтобы кто-нибудь из слуг услышал, что богиня кричит, как простая кухарка!

Дав девушке немного прийти в себя, жрец убрал руку и строго сказал:

– Теперь молчи и слушай! Ни тебе, ни твоему отцу этот позор ни к чему. Поэтому через две луны ты умрешь!

Пуаби тихо сползла по стене на землю, которой уже коснулись первые тени сумрака.

– Так вот почему ты так торопился открыть мне глаза!

– Я хотел, чтобы ты хоть немного увидела солнце перед тем, как уйти в вечный мрак.

Пуаби оставалась безразличной к его словам. Она еще не свыклась с мыслью о смерти.

– Уйди! Оставь меня одну!

Наставник покачал головой.

– Я не могу оставить тебя без присмотра ни на минуту, чтобы ты не наделала глупостей, девочка. Все должно быть

так, как задумал твой отец. Лишь в этом случае ты будешь спасена.

– Спасена? Ты смеешься надо мной, старик?

– Ради имени и чести своей семьи ты должна умереть. Богиню Луны укусит священная кобра, а верховный жрец устроит пышные похороны. Твоя могила будет самой роскошной и просторной, это будет дворец под землей. Ты уйдешь из этого мира в роскошных нарядах в сопровождении молодых жриц. Твои самые любимые кушанья будут с тобой. Твоя золотая арфа будет с тобой. Чего же ты еще можешь пожелать?

Пуаби взглянула на него с сожалением.

– Ты стар и прожил долгую жизнь. Поэтому Смерть кажется тебе красивой женщиной, которая примет твое тело в свои объятия. Я молода, и Смерть для меня – отвратительная старуха. Она меня пугает.

Наставник пристально посмотрел на нее и спросил:

– Ты хочешь жить?

Пуаби молча кивнула.

– Но это будет совсем не та жизнь, к которой ты привыкла. Ты была рождена в роскоши, тебе прислуживали самые знатные девушки Шумера. Кто ты будешь, если богиня в тебе умрет? Подумай, девочка, нужна ли тебе такая жизнь. Жизнь безымянной рабыни, у которой нет ни отца, ни матери, и даже имени у нее нет.

Пуаби улыбнулась.

– Есть! Имя есть!

Наставник изумился.

– Откуда ты знаешь?

– Я видела свое новое имя во сне.

– И как же будут звать мою маленькую госпожу после смерти?

– Морада!

Наставник поклонился и ушел, оставив Пуаби одну вопреки своему обещанию. Девушка стояла, улыбаясь чему-то неизвестному, согреваясь у каменной стены, впитавшей солнце прекрасного дня и теперь отдававшей свое тепло маленькому хрупкому телу.

Было уже около полуночи, когда огромный внедорожник нехотя вскарабкался на холм и уперся в ограждение из длинных жердей, временно служившее забором. Не выключая фары, Данил вылез из машины и принялся убирать жерди, чтобы машина могла проехать на пустырь возле Дома. Осторожно лавируя между битым кирпичом и валяющимися тут же обрезками бруса, Данил остановил машину напротив входа. Эта модель появилась в нашем городе совсем недавно, и компьютеры местных автоинспекций на слова «грузовая-бортовая» реагировали автоматически категорией «С». Хотя по паспорту машина была легковая, категории «В», как и написано в правах у большинства водителей нашей страны. За глаза я называла машину мужа Самка Кита – за округлую подбрюшину и кузов в виде хвоста. Данил купил этого монстра под предлогом «охота-рыбалка-стройка», так что мне приходилось надевать каблуки повыше, чтобы удобнее было забираться в кабину.

Урчание двигателя смолкло, и мы оказались в звенящей тишине, сквозь которую было слышно дыхание степного ветра и мягкое журчание реки неподалеку. Я открыла дверцу машины и опустила ноги на траву. Накинув летнюю куртку, решила немного пройтись и осмотреться. Странное ме-

сто. Здесь веет и спокойствием, и тревогой одновременно. Неожиданно для меня Данил спросил:

– Может, переночуем в ближайшем городе?

Я покачала головой.

– Это еще часа два езды. После семичасового переезда я никуда больше двигаться не хочу.

Муж согласился.

– Ладно, вода и газ есть. И кое-что из спального на втором этаже. Продержимся до утра.

Дом еще не был готов. Свежее дерево еще не дало окончательную усадку, да и полы были зафиксированы поперечными досками в ожидании момента, когда Строитель даст команду сбить их окончательно. Очертания комнат первого этажа были намечены, но межкомнатных перегородок не было. А на втором и вовсе сквозь доски, зашивающие торец дома, проглядывала огромная круглая луна. Электричества еще не было, и лунный свет через окна заливал пол, опилки и груды досок, сваленных прямо у стены. Побродив по дому, Данил вернулся в машину, чтобы достать привезенные с собой на всякий случай продукты и огромный фонарь «летучая мышь». Наспех поужинав, мы устроились на ночлег.

Ночь была ветреной, как и большинство ночей в Степи. Завывание, переходящее порою в тонкий свист, будило меня и навевало ночные страхи. Реальность и сон смешивались, и я слышала, как люди с синими лицами что-то говорили мне

про камни, растущие у дома.

Проснулась я от звука тормозов подъехавшей к Дому машины. Это был Строитель, с которым Данил собирался переговорить о следующем этапе работ. Растолкав мужа, я вылезла из спальника и поставила чайник.

Пока Данил разговаривал, я согревалась горячим чаем с медом и травами. Настроение у меня улучшалось с каждым глотком. Через полчаса муж присоединился к утреннему чаепитию.

– Обещают к началу дачного сезона придать дому жилой вид.

– А забор?

– Забор поставят. И огромные ворота.

Южная томная ночь уже опустилась на город, и во дворце торопились зажечь факелы до возвращения лугаля. Только в одной комнате с высокими каменными колоннами, выходящей прямо во двор, не горело ни одной даже маленькой свечи. Высокий старик в белой одежде с глубоко надвинутым капюшоном сидел на деревянной скамье, скованный темнотой, в ожидании хозяина. Он попросил прислугу не зажигать огонь в центре зала, чтобы никто не смог увидеть лица ночного гостя. Слуга беззвучно повиновался, ведь гость показал ему перстень. Такие знаки отличия были лишь у избранных жрецов, имеющих доступ во все покои великого лугаля и его семьи.

В безмолвную тишину ночи стали проникать звуки военных рожков, и где-то со стороны ворот послышался топот копыт небольшого отряда. Когда все смолкло, в покоях лугаля раздались шаги. Слуги открыли тяжелую дверь перед своим господином, и Саргон осторожно вошел в комнату, предупрежденный о высоком визите.

– Почему достойнейший страж коротает свою ночь у меня на скамье, а не в храме моей дочери? Что заставило вас отступить от своих обязанностей и прийти ко мне в столь поздний час?

Саргон явно был недоволен ночным визитом. Сегодня

днем во дворец привезли новых рабынь, и на эту ночь у лугаля были совсем другие планы. Но он знал, что от старика не отделаться и что если жрец оставил без присмотра Пуаби перед предстоящим событием, то дело и впрямь не терпит отлагательств.

– Она не хочет умирать, повелитель.

Брови лугаля сдвинулись в одну линию.

– Что значит «не хочет»?! Разве мы так ставим вопрос?!

Старик вздохнул.

– Пуаби входит в самую прекрасную пору своей жизни. Ее красота и тело расцвели, и она хочет познать жизнь.

Лицо лугаля стало мертвенно бледным. Он перешел на шепот, что свидетельствовало о крайней степени раздражения господина:

– Разве ее жизнь стоит моих сил, потраченных на завоевание этого царства? Сколько раз я готов был положить свою жизнь под топор Судьбы? А сколько жизней моих воинов было отдано? Десятки тысяч! И эта девочка смеет мне говорить о жизни?!

Старик молчал, и Саргон, понемногу успокоившись, поинтересовался:

– Что вы намерены предпринять как Наставник, готовивший богиню Луны к ее великой миссии?

Старик склонил голову перед господином и тихо сказал:

– Я намерен сделать все, чтобы богиня смогла исполнить свой долг. Похороны состоятся через четыре дня. Я хотел

начать подготовку, но мне нужно ваше одобрение.

Саргон махнул рукой. Это означало, что аудиенция окончена и старик может уходить.

– Вы его получили! Можете приступить к подготовке похорон. Но знайте, это должны быть самые зрелищные похороны, какие когда-либо видел этот народ.

Старик выпрямился и с едва уловимым сарказмом в голосе, медленно растягивая слова, сказал:

– Ваша мудрость будет утешением для Пуаби. Она примет ваше решение с покорностью и с гордостью, что исполняет свой священный долг.

У Срагона потеплело на сердце от таких слов, но все же напряжение этой встречи не ушло. Вечер был безвозвратно потерян для любовных усад, и Саргон приказал, чтобы ему постелили в саду, возле ручья.

Слушая журчание воды, он понемногу успокаивался и засыпал. Страхи покинули его, и душа высоко вспорхнула над дивными растениями, цветущими только здесь, в саду правителя Шумера.

Безмятежный сон лугаля продлился недолго. Не прошло и часа, как на залитой лунным светом тропинке появилась энту – старая жрица. Она тронула рукой плечо лугаля, и тот мгновенно вскочил на ноги.

– Что ты здесь делаешь?! Я не звал тебя!

Энту усмехнулась:

– А ты бы позвал! Благодарю богов, что я сама пришла к тебе. Завтра могло быть уже поздно.

Лугаль понемногу приходил в себя, но им овладела тревога:

– Что поздно?

– Завтра к вечеру ты бы уже не смог остановить бунт жрецов, а наутро твою голову повесили бы на воротах!

– Тогда скажи мне, энту, что я сделал не так?

Энту сверкнула глазами. Как можно быть таким глупым, когда находишься у власти!

– Сегодня ты отпустил Наставника. Этот старик хитер, и тебе впору ждать неприятностей.

– Как старик может навредить мне, энту?! Он занимается лишь тем, что проводит все свое время с Пуаби. Он годен лишь на то, чтобы нянчиться с девчонками, а ты говоришь, что он опасен.

Энту села возле ручья и зачерпнула рукой прозрачную

звонкую воду.

– Вспомни, лугаль, кто посоветовал тебе сделать твою старшую дочь главной жрицей храма Иннанны?

Лугаль лишь пожал плечами и присел рядом с энту.

– Это был хороший совет. Вся власть таким образом оказалась в моих руках. Чужие семьи не владеют больше духовной властью. Моя кровь занимает все ответственные посты в этом беспокойном государстве. Только под неусыпным контролем я смогу удерживать трон лугалей.

Энту бесила непонятливость повелителя, но она терпеливо вела свой разговор:

– Старый жрец посоветовал тебе сделать твою дочь жрицей Луны.

Лугаль кивнул.

– Да, это так.

– Как ты думаешь, он знал о древнем ритуале совокупления правителя и жрицы, Солнца и Луны, от союза которых рождаются полубоги?

Лугаль задумался.

– Наверное, знал.

– И посоветовал тебе пройти этот ритуал и пасть в глазах всего народа? Сколько бы ты смог править после этого?

Лицо лугалья стало серым от гнева.

– Но зачем?! Ты думаешь, что старик подкуплен кланом Загесси?

Энту сидела с неподвижным лицом, обращенным к Луне.

– Он не подкуплен родственниками Загесси. Ты убил всех Загесси. Кроме одного. Этот жрец был отцом Загесси.

У лугалья перехватило дыхание. Оправившись, он спросил – и вопрос его не предвещал ничего хорошего для энту:

– Ты знала, что он отец Загесси, но позволила мне отдать свою дочь ему на воспитание?!

Энту взяла руку лугалья и сказала вкрадчивым голосом:

– Я узнала об этом слишком поздно. И ты не можешь винить меня в том, что случилось.

Лугаль согласился.

– Но как же тебе удалось узнать?

– Месяц назад я видела, как Наставник руководит очисткой стены для новой росписи, которую готовили к совершеннолетию Пуаби. Я стояла за колонной, и он не мог видеть меня. Старик отослал рабочих, когда был снят один слой штукатурки. Под нею была старая роспись. Был изображен бывший правитель Шумера на ступенях храма в ночь новолуния. Старик припал губами к изображению и прошептал тогда: «Я предал тебя, мой мальчик. Меня не было с тобою в день твоей смерти».

Лугаль высвободил свою руку и тихо спросил энту:

– И что же мне теперь делать?

Энту снова зачерпнула воды и омыла лицо. Потом прислушалась к какому-то шороху в саду и повернулась к лугалю. Усталым голосом она сказала:

– Ты уже ничего не сможешь поделать.

Гнев лугаля разгорался с новой силой:

– Это еще почему?!

Энту рассмеялась, показывая рукой в сторону удаляющегося шороха.

– Потому что он слышал наш разговор! У тебя плохая охрана, Лугаль!

Всматриваясь в темноту, Саргон увидел, как мелькнул в темных зарослях краешек белого плаща. Он не стал поднимать охрану. Это все бесполезно. Старик знал все подземные ходы этого дворца. Даже те, о которых сам Лугаль не имел ни малейшего представления. Он понял, что сегодня спать не придется, и требовалось как-то поддержать свои силы. Лугаль хлопнул в ладоши, и тотчас перед ним возник слуга.

– Принеси нам крепкий горячий бульон с травами!

Слуга поспешно удалился выполнять приказание. Энту посмотрела ему вслед и спросила:

– Тебя, наверное, мучает вопрос – почему старик так заботился о Пуаби?

Лугаль покачал головой.

– Нет. Но я уверен, что на это были особые причины. Иначе бы он не стал служить дочери врага.

Энту вздохнула и сочувственно поглядела на лугалья. Саргон, казалось, сильно постарел за эту ночь.

– Хоть ты и не проявляешь должного уважения к моим словам, я расскажу тебе. Только избранные могут знать, как Луна и звезды влияют на жизнь человека и государства. Предсказания, которые может делать жрица Луны, больше не может делать никто.

Лугаль удивился.

– А я думал, что это жрецы делают для нее предсказания. А она лишь оглашает их в праздник для всех, собравшихся в храме.

Энту знаком показала, что он не прав.

– Конечно, жрецы делают свою часть работы, но все линии сводит в одну только Богиня Луны. В этом мудрость древних знаний. Они разделены. У каждого жреца есть только своя часть этих знаний, а поскольку их двадцать, то собраться вместе они не могут. Договориться меж собой для них невозможно.

Лугаль рассмеялся.

– Древние лучше нас знали, сколько должно быть равнозначных влиятельных людей, чтобы каждый постарался быть выше других. И что, за все столетия, что они владеют знанием, они не договорились?

Энту улыбнулась впервые за сегодняшнюю встречу:

– Нет. Но старик знал, что каждый из них учит богиню Луны тому, что знает сам. И потому Пуаби теперь знает то, чего не знает никто из жрецов. И он обязательно это использует.

– Но каким образом?

– Он поможет Пуаби избежать смерти, а в обмен она отдаст ему Знания.

Лугаль хотел было что-то сказать, но промолчал, потому что на тропинке возник слуга с подносом в руках. Мальчик поставил поднос перед господином, быстро поклонился и хо-

тел было удалиться, но энту остановила его. Мальчик стоял в нерешительности, переминаясь с ноги на ногу. Ему было неловко в столь высоком обществе, но убежать он не смел и потому нетерпеливо ждал, что ему прикажут.

Лугаль сам налил из кувшина горячий напиток для энту. Энту взяла чашку двумя руками и осторожно поднесла к губам. Втягивая тонкими ноздрями аромат, клубившийся над чашкой, она поинтересовалась:

– Ты не боишься, что тебя отравят?

Потом она поставила чашку перед собой и подозвала слугу:

– Видишь эту чашку?

Слуга испуганно посмотрел на нее и сказал:

– Да, госпожа.

Энту сдвинула брови и приказала:

– Выпей!

Мальчик растерялся.

– Как можно?! Меня накажут!

Энту настойчиво повторила:

– Пей!

Мальчик дрожащими руками взял чашку и стал пить торопливо, то и дело обжигаясь, но не издавая ни звука. Когда все содержимое было выпито, мальчик замер перед лугалем, не решаясь поставить чашку обратно. Лугаль вопросительно посмотрел на энту. Она наблюдала за слугой минуты две, потом сказала:

– Принеси мне чистую чашку, а эту оставь себе.

Слуга поклонился и с быстротой молнии скрылся за поворотом. Внезапно из-за кустов послышался звук падающего тела. Лугаль выбежал на тропинку, шагов через двадцать он натолкнулся на шуплое тело молодого слуги. Чашка лежала рядом с ним тут же, на мелких камнях садовой дорожки.

Мрачнее тучи он вернулся на место, где энту сидела с невозмутимым лицом.

– Как ты узнала про яд?

Энту улыбнулась.

– Я жрица, а потому знаю толк в травах. А еще я знаю, какие травы подают к мясу. Запах этой травы был мне незнаком, но он такой сильный, что заглушал все прочие ароматы. И мне показалось, что кто-то хотел спрятать за ним истинный запах того, что тебе предназначалось. Запах Смерти.

Вечер был окончательно испорчен. Теперь ему придется всегда держать при себе особого слугу для пробы блюд. И еще придется наказать виновных, а это займет время, которого у него и так сейчас не хватает. Нужно заняться похоронами Пуаби. Хотя...

– Энту, почему ты думаешь, что старику нужны эти знания?

– Подумай сам, лугаль. Шесть лет жизни он отдал, чтобы добыть их. Он знал, что ты отправишь свою дочь под землю, чтобы не прослыть опозоренным. Но он надеялся, что она сойдет туда лишь на время, чтобы потом извлечь ее и

использовать то, что она может дать.

– Но где он собирался использовать эти знания? Он же не безумец, чтобы рассчитывать на мою благосклонность?

– Он и не собирался. Наверняка он уже договорился с каким-нибудь правителем о том, что станет главным жрецом и будет использовать свои знания с наибольшей выгодой для правителя и себя, разумеется. А сегодня он понял, что недооценил тебя. Он не ожидал, что ты откажешься сохранить своей дочери жизнь.

– Но если в его планы не входит смерть Пуаби, то как он сможет уберечь ее?

Энту вздохнула.

– Мы здесь разговариваем с тобой уже час. За это время он вполне мог добраться до Храма и убедить Пуаби бежать вместе с ним. И тебе, чтобы сохранить лицо, придется хоронить девушку, похожую на Пуаби.

– Но если кто-нибудь распознает обман?

Энту махнула рукой на его страхи:

– Если кто и распознает, то говорить об этом не станет. Хоронить ее будут в маске Иннанны. Храм не станет выносить сор. Кто же тогда будет жертвовать им деньги, рабов или земли?

Лугаль согласился с доводами энту. Он посмотрел на Луну. Сегодня она была необычайно хороша, словно прощалась с ним. Саргон мысленно улыбнулся. Это не укрылось от бдительного взора его собеседницы.

– Ты рад, что она останется жива?

Лугаль с сожалением покачал головой.

– И рад, и не рад. Рад, что невидимые силы протянули этой девочке нить жизни. Но то, что ее ожидает дальше, не дай бог испытать никому. Это под силу только Богине.

Энту встала рядом с ним, созерцая тонкие лучи серебряного света.

– Да будет так.

Сибирское лето выдалось на редкость дождливым, и дети предпочли ехать со мной в недостроенный дом, где полно всякой всячины, чем сидеть в городской квартире. Приехали мы два дня назад, так что еще ничего не успели ни сделать, ни сломать.

Сказку про мертвую царевну, наверное, писали на свежем воздухе, потому что мы в нашем горном домике тоже спали как убитые. Сегодня я проснулась от резкого звука подъехавшей машины, которая настойчиво сигнализала у ворот. Нехотя открыв глаза, я поднялась с постели, накинула плед и поплелась к двери. После дождя новая, еще не выкрашенная деревянная дверь открывалась с трудом, успев за ночь набрать влагу. После нескольких попыток толкнуть дверь ногой я налегла на нее всем телом и вскоре вылетела в прихожую, где меня поджидала еще одна дверь, но покрепче. Справиться с нею удалось не сразу, и к тому моменту, когда я наконец выбралась на крыльцо, я была уже не в самом хорошем расположении духа.

Теряясь в догадках, кого это принесло с утра пораньше, я открыла боковую калитку. Передо мной, сияя всеми лучами солнца, да и своими собственными, стоял новенький Peugeot моей подруги. У меня отлегло. Я сразу почувствовала себя

лучше, и мои свежие синяки с утра пораньше стояли того, чтобы открывать все эти упертые двери. Алка стояла возле открытой дверцы своей машины спиной ко мне, как обычно, болтая с кем-то по телефону. Время от времени она складывалась напополам, исчезала внутри машины и давила всем маникюром на сигнал. Меня это зрелище забавляло, и я стояла, прислонившись к столбу центральных ворот, с запущенным внутренним хронометром. Мне было интересно, когда же она повернется к лесу задом, ко мне передом и перестанет сигналить. Наконец ей надоело болтать по телефону, она бросила его на сиденье и огляделась. Заметив меня, слившуюся со столбом, Алка устало спросила:

– Давно стоишь?

– С тех пор, как ты гудишь. Привет. Ты чего так рано?

Подруга возмутилась.

– Да вы совсем одичали в своей деревне! Половина первого уже. А ты, я вижу, только из постели. Бурная ночь?

Потом ее озарило:

– А ведь у вас здесь график аристократов. Я уже лет пять не вставала после полудня.

Алка опять сложилась напополам, извлекла какие-то бумаги из бардачка и сунула мне.

– Передашь это Данилу.

– А что, сама не можешь?

– Сама я забуду, могу по оплошности увезти обратно в го-

род. А ты, даже если забудешь, найдешь, когда печь растапливать будет нечем.

Я согласилась.

– Отодвинь немного машину. Надо ворота открыть.

Алка в ужасе уставилась на меня.

– Ты что? Сама будешь их открывать?

Меня позабавила ее городская спесь.

– Нет. С тобой!

Подруга все еще недоверчиво косилась то на меня, то на огромные деревянные ворота, на которых отпечатались два трафарета соседских поросят. Наверное, хрюшки с удовольствием потерлись о свежее дерево. Мне хотелось поскорей перебраться в дом, и я поторопила светскую львицу.

– Привратника у меня нет. На пульт они не заведены, так что убирай машину подальше и пристраивайся рядом!

Не прошло и получаса, как мы управились с воротами и перетаскали вещи из Алкиной машины. Войти в дом нам удалось с первой попытки, так что у меня еще оставались силы на то, чтобы смолоть кофе и налить воду в чайник из огромной фляги.

Алка осторожно ступала по свежеструганному деревянному полу, пробираясь через сложенные штабелями доски и огромные коробки с инструментами и отделочными материалами.

– Слушай, а как ты здесь в темноте ходишь?

Потом пристально посмотрела на мои синяки и махнула рукой.

– Понятно!

Я огрызнулась.

– Если тебе понятно, не ходи налево.

– Это ты за добропорядочное поведение или что-то другое имеешь в виду?

– Я имею в виду моего старшего. У него пока нет кровати, так что спит на полу, где понравится. Не раздави ребенка. Их трудно рожать и долго выращивать.

Алка посмотрела на меня как на полоумную.

– Твоего старшего асфальтовый каток не раздавит. Сколько нынче весит дитяtko? Центнера полтора?

Она огляделась в поисках чего-то.

– А где вы младшего спрятали?

– С младшим проще. Кровати его размеров пока есть в любом магазине. Ищи его в дальнем левом углу дома. Он себе выбрал комнату, окна которой выходят на реку.

– Умный мальчик. А ты где спишь?

– Я в дальнем правом. Окнами на гору.

Алка одобрительно кивнула.

– Это хорошо. А мне где располагаться? Как я понимаю, ни гостевой домик, ни второй этаж еще не готовы?

Я подтвердила ее худшие предположения.

– Не готов. Так что выбирай себе угол, какой понравит-

ся, и окапывайся там. Кровать тебе соберет старший, как проснется. Шкаф и тумбочки прикроватные можешь выбрать по каталогу, а я потом найду, в какой они коробке.

Алка печально посмотрела на свой свежий маникюр.

– А мы что, сами их будем собирать?

– Ближайшая служба по сборке мебели километров за триста. Можно позвать кого-нибудь из деревни, но трезвыми эти умельцы бывают редко.

Алка вздохнула.

– Ну, сами так сами.

Она постояла еще какое-то время, размышляя, куда податься, потом решительно двинулась к лестнице, ведущей на второй этаж.

– Я здесь, возле лестницы жить буду. Мне вид на реку больше нравится. Что-то твои горы мрачные, хоть и зеленые.

Алка быстро подтащила к месту своей временной дислокации дорожный несессер и расставила по ступеням еще пахнущей сосной лестницы туалетные принадлежности. При виде своих духов и косметики она почувствовала себя немного лучше, сняла дорожный костюм и переделась в невообразимо яркий сарафан из новой восточной коллекции. Казалось, что в дом случайно залетела тропическая бабочка. Яркое пятно быстро перемещалось от дверей к своему новому лежищу, стаскивая маленькие сумочки и чемоданчики в уютный уголок.

Наконец Алка закончила организацию жизненного пространства и под села к большому деревянному столу, накрытому белой узорчатой скатертью. Скептически оглядевшись вокруг и проведя своим отшлифованным ногтем по завитушке узора, она язвительно поинтересовалась:

– Скатерть не слишком белая для такой обстановки?

Я пожала плечами.

– Других пока не нашла. Они где-то в коробках. Данил завез все оптом вчера ночью, вот и приходится работать археологами. Пока не очень успешно.

Чайник закипел, и мы наконец смогли немного посплетничать. Алка быстро выложила последние новости города и приготовилась слушать мои рассказы про деревенскую жизнь. Я даже не знала, чем порадовать подругу.

– У меня такое чувство, что сменились только декорации, а состав актеров остался прежним. Практически все, с кем Данил пересекается по делам, сейчас пасутся в шести километрах отсюда. За ближайшей горой.

Алка отодвинула от себя чашку, откинулась на спинку стула и с любопытством поглядела на меня.

– Это ты сейчас про что?

– Про семинар.

– Я и не знала, что в вашей горной глуши идут семинары. А расписание посмотрим на ближайшем столбе у сельпо?

Я показала рукой на окно возле лестницы, где она только что распаковывалась.

– Посмотри в окно. Ничего не замечаешь?

Алка присвистнула.

– Зачем же сразу три?!

Это моя внимательная подруга пересчитывала передающие вышки сотовых операторов на ближайшей горе.

– Конкуренция. Народу в горах становится много, я не только про китайцев говорю. Тут у нас недавно в кустах у речки жил местный профессор с детьми и супругой. Московские академики вчера улетели, да и местные власти постоянно тусуются. Это помимо аборигенов, которые тоже по телефонам разговаривают и Интернетом пользуются.

Алка ساختрила кислую рожицу.

– Так у вас здесь Интернет? А я-то, наивная, думала, что проведу пару недель в глуши и без работы.

– А как бы мне, по-твоему, удалось заманить старшего пожить на даче?

– А мужа тебе не удалось заманить пожить на даче?

– Данил – перфекционист. Пока все не расставится по своим местам, мы его здесь будем редко видеть. Хотя мы его и дома-то почти не видим.

– А что, дома у тебя не все по своим местам стоит?

– Дела у него последнее время идут не слишком хорошо.

Алка сбросила босоножки и забралась с ногами на стул.

– Во внешнем мире про это еще никто не знает?

– Неуверена...

Я налила нам еще по чашке и поискала глазами свежее варенье.

– Мы вчера с детьми ходили за кислицей к речке. И за эдельвейсами. Так вот, пока мы шли, мимо нас проехало штук двадцать знакомых машин.

– Перечислить можешь?

– Могу, но тебе этот список не понравится. Ты любишь успешных мужчин, а у этих дела в последнее время не очень.

– Я в последнее время интересуюсь непопулярными экземплярами.

– Профессионально?

– Скорее эмоционально. Мужчина в поиске интереснее, чем самодовольный или депрессивный.

Я поставила ноги на пол, пошарила под столом в поисках босоножек и осторожно, чтобы не разбудить мальчишек, прошлепала к тумбе, стоящей возле постели Данила. Вытащив верхний ящик, достала список и вернулась к столу. Алка с любопытством пробежалась по нему глазами и возмущенно фыркнула:

– Ты ничего не перепутала? За каждым именем тут стоит немалая сумма.

Меня позабавила ее реакция.

– Ты же не можешь точно знать, что из этих имен и денег реально, а что – просто мыльные пузыри.

Алка призадумалась, положила бумагу на стол так, чтобы можно было при случае еще раз взглянуть на нее.

– Мыльные пузыри, говоришь? И вся эта компания сейчас неподалеку?

Я состроила ехидную рожицу:

– Твоя машина туда не доедет.

Алка была неумолима.

– Зато твоя доедет. Может, нанесем визит мальчикам?

Я запротестовала:

– Мне мальчиков дома хватает.

Алка сделала ответный ход:

– Еще год назад не хватало!

Я поняла, что это намек на Прагу, но скандалить не стала.

– Если тебе так хочется, поезжай. Я не могу оставить без присмотра этих двух диверсантов.

Подруга с моим доводом согласилась. Она забыть не могла, как мой старший пытался растопить камин у нее на даче, пока взрослые отсутствовали пару часов.

– Да, этих лучше не оставлять.

На том и порешили. Деятельная Алка не стала ждать до вечера, взяла ключи от моего пикапа и решительно двинулась к огромным деревянным воротам.

Рынок города Ура опустел, и последние торговцы спешно собирали свой товар, чтобы успеть на церемонию погребения дочери лугалья. Много толков ходило сегодня на рынке, но никто из разносчиков сплетен не мог бы с уверенностью сказать, что именно так все и было. Поговаривали разное. Кто говорил, что ее отравили жрецы, а кто тихо шептал, что сам лугаль отдал приказ убить свою дочь, чтобы не запятнать себя позором.

Когда дорога, ведущая из города, заполнилась любопытной толпой, то среди пестрого народа было невозможно отыскать старика, ведущего под руку девушку с воспаленными глазами. Пуаби не привыкла еще к солнечному свету и так часто терла свои глаза, что они теперь больше походили на кровавые волдыри, чем на глаза красивой девушки. Прохожие сторонились их, полагая, что девушка больна какой-то дурной болезнью. Это нисколько не смущало Пуаби, которая была счастлива, что не лежит сейчас в роскошном катафалке, отделанном золотом.

Воины в шлемах, с поднятыми вверх копьями шли возле повозок, сопровождавших главный катафалк, накрытый плащом из синего бисера, расшитого серебряными звезда-

ми. Золотая маска мертвой Богини Луны сияла при свете дня, заставляя зажмуриваться любопытных, которые осмеливались взглянуть на нее. Из-под маски были видны большие золотые серьги в форме полумесяца, а прическу ее венчал большой гребень из золота с пятью зубцами, инкрустированными лазуритом. Тем, кто стоял поближе, был виден великолепный убор на голове покойной, сотканный из золотых цветов. Восьмиметровая золотая лента была вплетена в ее волосы, лоб ее поверх маски украшал венок из тонких золотых колец. Не в силах оторвать взгляд от этого великолепия, народ следовал за телом, словно зачарованный.

На других повозках ехали молодые жрицы-служанки, которые были обречены сойти в могилу вместе со своей госпожой. Лица девушек были безмятежными. Еще с восходом солнца им всем дали напиток, который лишил их разума и горя. Движения их были заторможены, лица неподвижны. Они смотрели поверх толпы, выстроившейся вдоль дороги, чтобы лучше разглядеть похороны. Не каждый день удастся увидеть такое великолепное зрелище!

Замыкали шествие две повозки с золотой и серебряной посудой, необходимой для иного мира. На последней повозке стояли две одиннадцатиструнные арфы с золотыми и лазуритовыми изображениями быка и коровы на резонаторе. Эти арфы принадлежали Богине Луны, и коснуться их струн

могла только сама госпожа. Только ее пальцы могли извлечь из серебряных струн тончайшие звуки хрустального неба и родниковой воды.

Люди, мимо которых проплывали арфы необыкновенной работы древних мастеров, узнавали в быке и корове своих великих богов, скрещивали руки на груди, кланялись и что-то тихо шептали.

Весь путь от Храма до гробницы занимал минут тридцать. Лугаль приказал строить гробницу настолько это возможно близко к городу, чтобы успевать доставлять рабочих и камни для обустройства последнего жилища своей дочери. Спешная подготовка к похоронам была весьма необычным делом для горожан, привыкших, что их повелителей хоронят должным образом в роскошных подземных дворцах.

Наконец первая повозка достигла пологого спуска, которым начинался вход в подземелье. Процессия разом остановилась. Воины, сопровождавшие Катафалк, распрягли черных волов и отвели их в сторону, чтобы животные не помешали спуску всего кортежа под землю. Жрецы в белых плащах, специально обученные траурным церемониям, расставили охрану вдоль всего подземного хода и дали знак спешиться девушкам. Юные жрицы в великолепных убранствах, с серебряными нитями, вплетенными в высокие прически, выстроились по двое вслед за телом своей госпожи.

Некоторые из них в руках держали музыкальные инструменты. Как только главный распорядитель приказал им медленно следовать за телом, которое несли на руках восемь воинов из похоронного кортежа, они начали играть. Это была тихая печальная музыка, которая завораживала и медленно таяла под землей.

Толпа наддала вперед, чтобы лучше видеть, как под землей медленно исчезают сначала носилки, покрытые синим плащом, потом девушки, а потом и замыкающие процессию воины, ведущие под уздцы волов, тянущих телеги. Распорядитель расставил всех по местам, которые будут для них вечным пристанищем, и дал знак черным жрецам. Жрецы приблизились почти вплотную к тем, кто стоял вдоль подземного коридора, и отточенными движениями мгновенно умертвили стражей и животных. Все произошло настолько быстро, что никто из воинов не успел издать ни возгласа.

Распорядитель приказал, чтобы принесли напиток для девушек. Он каждой указал на место, которое ей предстояло занять, и девушки покорно рассаживались, продолжая играть на своих инструментах. Черные жрецы разносили напиток, и та, которая принимала чашу из рук жреца, молча выпивала. И уже не могла больше ни двинуться, ни заплакать. Так постепенно смолкла музыка, и склеп погрузился в мертвую тишину. Распорядитель зажег свечу и обошел всех

сидящих, поднося огонь к глазам, чтобы лучше разглядеть зрачки. Все было в порядке. Теперь они все уснут вечным сном, ни одна из них не сдвинется с места и не нарушит покой своей госпожи. В углу склепа была маленькая кирпичная опочивальня под невысоким сводом. Туда и поместили погребальные носилки той, которую сегодня все называли Пу-аби. Жрец, распорядившись похоронами, огляделся и удовлетворенно кивнул своим помощникам. Теперь можно было внести арфы госпожи и расставить посуду.

Когда последняя золотая чаша исчезла под землей, народ начал понемногу расходиться, не дожидаясь, когда огромная каменная плита завалит вход в подземелье.

Старик тронул девушку за плечо.

– Нам надо спешить. Сейчас все разойдутся, и тогда нас смогут найти слуги лугаля.

Девушка молча повиновалась. К чести лугаля надо сказать, что ни он, ни его слуги не слишком-то усердствовали в поисках беглянки, хоть старик и оглядывался на всякий подозрительный шум. Он повел ее по дороге, ведущей из города. Сегодня эта дорога была запружена повозками и пешими, которые пришли в достойный город Ур, чтобы насладиться зрелищем похорон. Легко было затеряться в толпах, которые отхлынули подобно морскому отливу прочь из города, уже не представляющего для них никакого интереса. Теперь лю-

ди спешили к своим домам и семьям. Все торопились успеть затемно, чтобы не быть застигнутыми ночными бродягами или разбойниками.

Но постепенно те, кто шел слишком медленно, начинали понимать, что лучше им собираться в группы по несколько человек и устраиваться на ночлег возле костра неподалеку от дороги, чтобы утром, чуть рассветет, снова отправиться в путь. Старик с девушкой прибились к одной из таких групп и теперь сидели возле костра, слушая болтовню купцов из Урука или Лагаша, а то и из самого Киша. Странники не задавали лишних вопросов друг другу, и никто из них не поинтересовался, почему у девушки заплаканные глаза. Все знали, что сегодня плакали многие девушки...

Пуаби была рада ночи, ведь это была ее стихия. Ее глаза, привыкшие к темноте, ночью распознавали предметы лучше, чем днем. Она видела в темноте почти также хорошо, как дикая кошка, и теперь могла немного отдохнуть. Те, кто сидел рядом с ней у костра, и представить себе не могли, что сама дочь лугаля Саргона сейчас разливает им кипяток по чашкам. Верховная жрица Пуаби на вопрос о том, как зовут юную девушку, скромно отвечала:

– Морада...

Утро выдалось на редкость теплым. Мягкое желтое солнце быстро набирало силу в звенящем небе и с каждой минутой становилось все жарче. Я стояла в нерешительности посреди двора – вернуться в дом или немного пожариться на солнышке. В памяти всплыла холодная затяжная сибирская зима, и я осталась.

На любом пляжном отдыхе наш семейный лагерь делится пополам. Данил с Димкой могут спокойно лежать на солнышке, поворачиваясь разными частями тела для ровного зажаривания. Младший любое обездвиживание считает смерти подобным и сопротивляется ему всем своим кипучим организмом. Что касается меня, то я даже на картинки с шезлонгами смотреть не могу. Мне кажется, что песок заползает повсюду и спасти от него может только море, душ или зеленый газон.

Оглядев свое небольшое хозяйство, я решила не терять зря времени и загорать активно – бороться с крапивой, которая кустилась в свое удовольствие по всему участку. Попробовав как-то крапивный веник на младшем, которого каждый комар считал своим долгом укусить, я поняла, что лучшего антигистаминного средства в деревне просто не найти. С чувством родительского долга я собираю крапиву и пользую ее на своих мальчиках.

Особо густые заросли темной зелени росли возле нашей скифской бани. С нее я и решила начать, тем более что крапивные веники можно было развешивать сушиться прямо на заборе. Крапива была качественная, пробирала даже через резиновые перчатки. Я сменила тактику и решила рвать только молодые изумрудно-зеленые поросли. Когда они закончились, я вытащила из-под крыльца огромную тяпку и принялась бороться с крапивными монстрами радикально. Пара неуклюжих движений городской затворницы, и тяпка с гулким стуком упала в те самые кусты, с которыми я только что сражалась.

Я стояла в нерешительности, раздумывая, что теперь делать – принести что-нибудь подходящее, чтобы вытащить тяпку из крапивы, или рискнуть и попытаться достать ее рукой. Пока я решала первую задачку, в мою голову забралась странная мысль: «Почему тяпка упала с гулким стуком?» Я, будучи неопытной в деревенских делах, постоянно что-то роняла, и точно могу сказать, как падает тяжелая деревянная палка. Уж точно не так, как только что упала моя. Даже густые заросли крапивы не сгладили падения, и земля гулко отозвалась на месте удара. Это могло означать только одно – на этом месте была когда-то яма, а потом ее чем-то прикрыли и засыпали землей.

Неожиданная догадка заставила меня шевелиться. Я принесла лопату и начала ковырять землю. За этим необычным занятием меня застал мой старший, который лениво брел до

деревянного туалета, стоявшего неподалеку от моих раскопок.

– Кому яму роешь?

– Еще не решила.

– Копаешь на всякий случай? Думаешь, заедет кто на огонек? Я там какую-то машину видел, синюю.

– Это тетя Алла приехала.

– Слушай, а это когда начинается?

Я застыла в виде вопросительного знака, потому что разогнуться после таких рабочих нагрузок было непросто.

– Что начинается?

– Ну, бессонница. У деда, помнишь, началось к шестидесяти. Он тоже рано вставал и заставлял всех ездить в лес чуть свет. Может, и у твоих подруг уже началось.

Я отшвырнула лопату и как можно строже прикрикнула на старшего.

– Не дерзи! Быстро завтракать и лопату в руки!

Старший понял, что мать настроена серьезно и отвертеться не получится. Почесался, вздохнул и попытался пошутить:

– Это, типа, не рой другому яму сам...

Через полчаса мне стало понятно, почему два солдата откуда-то там заменяют экскаватор. Не прошло и часа, как старший углубился в землю почти на метр. Гулкий стук лопаты о какое-то деревянное перекрытие заинтересовал его, и

комья земли полетели из ямы интенсивнее. Наконец лопата звякнула обо что-то металлическое, и мы оба согнулись, чтобы посмотреть, что же это могло быть. Я старательно разгребала землю, пока не наткнулась на какой-то круглый предмет, похожий на кольцо. Старший кольцом заинтересовался, отогнал меня подальше и попробовал приподнять. Кольцо мертво вросло в землю и никак не поддавалось.

Мы вертелись вокруг него как кошка вокруг сала, приде- лывали рычаги, которые по нашему разумению должны были приподнять тяжелую крышку, к которой крепилось наше кольцо, но все безрезультатно.

Увлечшись работой, мы не заметили, как открываются деревянные ворота. Въезжая во двор, машина приветственно просигналила. Я подняла глаза и увидела, что Егор стоял возле ямы и внимательно следил за нашими инженерными изысканиями.

– Давно стоишь? Ты завтракал?

– Нет. Да.

Я снова изобразила всем телом знак вопроса. Младший объяснился:

– Стою недавно. Я завтракал.

Потом показал на мою машину:

– Их кормить уже нечем. Придется тебе вылезать отсюда и что-нибудь готовить.

Я посмотрела в направлении, куда показывало озабоченное дитя, и присвистнула. Возле машины стоял Данил в

окружении двух изящно одетых мужчин. Алка уже вспорхнула на крыльцо и разговаривала с кем-то по телефону. Брендовая одежда ухоженных джентльменов не вязалась с деревенским пейзажем, да и самих джентльменов будто наложили фотошопом на наш забор. Получилось забавно.

Я вылезла из ямы и постаралась наклеить светскую улыбку. Получилось не сразу. Наконец я справилась. Отозвав Данила немного в сторону, я прошипела:

– Эта делегация твоих помощников здесь надолго?

Данил внимательно отсканировал меня и чмокнул в щеку.

– Для начала здравствуй.

Я немного поостыла, но не унималась:

– Так вы надолго?

– Чаем напоишь? Алка уже всем рассказала про дивные травки и свежее варенье.

Я пожала плечами.

– Тогда вытащи старшего из ямы, мало ли что. И убери свидетелей.

Данил заинтересовался происходящим:

– Что тут у вас за раскопки?

– Еще не знаем, но надеемся, что не труп.

Брови мужа взлетели вверх. Это означало крайнюю степень удивления.

– Если надеетесь, зачем копаете?

– Так ведь это единственная тропинка к бане. И ходим мы туда вечером, когда стемнеет. Я не смогу теперь идти ночью

мимо страшной ямы и думать, что там кто-нибудь лежит.

Данил вздохнул.

– Тебя даже в деревне запереть нельзя. Всегда найдешь, чем развлечься...

Тут раздался ужасный крик, и мы с Данилом наперегонки бросились на помощь старшему...

Морада и Старик жили в этом городе уже несколько месяцев. Старик снял дом и нанял служанку, чтобы у них всегда была горячая еда и порядок. Морада, конечно, и сама могла бы справляться с работой по дому, но Старик не позволял ей этого. Он понимал, что неприспособленная к простой работе девушка все будет делать весьма неловко и этим может навлечь на них подозрения. Он стал рассказывать людям на базаре, что семья его юной госпожи погибла при наводнении, а она уцелела лишь потому, что в это время гостила вместе со своим Наставником у родственницы, которая намеревалась выдать девушку замуж. Дурные вести заставили их обоих вернуться, но дом был разрушен, и госпожа решила покинуть места, которые будут напоминать ей о безмятежном детстве. Так они и оказались в славном городе Тали-Газире, не таком большом как Ур, но хорошо укрепленном и с бойкой торговлей.

Небольшой домик на окраине, почти у самой городской стены, был вдалеке от дороги, ведущей к рынку, а потому их улица считалась тихой, лишенной всяких зрелищ. Жили здесь небогатые семьи, которым надо было засветло вставать, чтобы успевать на рынок к началу торговли и занимать места получше. Скорняжники и гончары, они несли свою ра-

боту на продажу на городской рынок, где проводили почти весь день, лишь затемно возвращаясь домой. Так что тишина этой улицы ничем не нарушалась, кроме редких криков ребятишек, снующих меж невысоких кустов акации в поисках древесных лягушек.

Одноэтажный домик был устроен как и большинство домов в городе. В нем было три смежные комнаты и прихожая, лестница из которой выходила на пологую крышу. Крыша эта была приспособлена для ночных прогулок и соединялась узким переходом с другими такими же крышами. Так соседи могли ходить друг к другу в гости или спастись от опасности в случае нападения разбойников. Густо обмазанные изнутри глиной и окрашенные в белый цвет невысокие стены дома сначала пугали Мораду, но постепенно она стала забывать огромные сводчатые потолки Зиккурата и его каменные колонны, уходившие ввысь, под самое небо. Морада привыкала к простой жизни, хотя и скучала по своим свиткам и огромной лазуритовой карте неба, встроенной в стену ее комнаты. Часто она просыпалась по ночам, не понимая, где она и что здесь делает. Но постепенно она свыклась с мыслью, что прошлое ушло безвозвратно и теперь надо думать о будущем. Старик пока не спешил рисовать ей это самое будущее, и она не торопила его.

Как-то ночью, когда город отдыхал от знойного дня на

своих крышах, Морада позвала Старика, чтобы разделить с ним красоту звездного неба и горячий напиток, приготовленный служанкой для лучших снов. Старик принес одеяло и расстелил его, приглашая Мораду устроиться поудобнее. Морада не возражала, но удивилась:

– Зачем ты заботаешься обо мне, если решил меня продать?

Старик вздрогнул. Девушка не могла знать, что сегодня он договорился с одним купцом, который вскоре тронется в путь в далекую страну, что продаст ему девушку, которая знает толк в звездах и может привести караван в любую страну и любой город, какой только есть на свете. Купец долго торговался, не веря в редкие способности девушки, и хотел купить ее по цене простой наложницы, чтобы в случае обмана не остаться в накладе. Наконец хитрый торговец уступил, и они ударили по рукам.

– Откуда ты знаешь, что я решил?

Морада улыбнулась и показала рукой на небо.

– Ты забываешь, кем я была.

Старик посмотрел, куда указывала Морада, но ничего особенного там не увидел. Она снова улыбнулась.

– Для меня горит новая звезда. Звезда далеких странствий. И зажглась она только сегодня, а значит, ты продал меня тому, кто собирается в Долгий Путь.

Старик упорствовал:

– Почему ты знаешь? Может, я собирался переехать в дру-

гой город и взять тебя с собой?

Морада в сомнении покачала головой:

– Тебе незачем уезжать отсюда. Ты не уедешь далеко от Ниппура. До конца дней своих ты будешь искать останки своего сына и похоронишь лишь малую их часть.

Старик вздрогнул и отстранился от девушки:

– Ты знаешь, кто я?!

Морада пожала плечами:

– Я всегда знала, кто ты. Но ты ничего предосудительного не делал, а звезды говорили мне, что ты сыграешь большую роль в моей судьбе. Поэтому я никому не сказала, что ты отец Загесси.

Старик помолчал какое-то время, но любопытство пере-
силило его страхи, и он спросил:

– И ты знаешь свою судьбу?

Морада кивнула.

– Конечно. Хотя это меня печалит.

– Печалит?

– Да, я могу узнать все, что ждет меня и любого человека, какой только родился под луной.

– Но если ты можешь все предсказать, то о чем же тебе печалиться?

– Я могу предсказать, но не могу изменить свою судьбу! Вот, например, я же знаю, что ты меня продал и что завтра поутру меня заберут из этого дома два человека, одетых в черное, и отведут на двор купца, что живет у Западных Во-

рот. Я знаю, но ничего не могу изменить.

– Но ты могла бы бежать. Еще до того, как я вернулся с базара.

– Зачем? Какой в этом прок? Меня бы поймали, или мне пришлось бы бежать из города без денег и без пищи. Это только ухудшило бы мою участь.

Старик согласился с разумными доводами девушки и спустился вниз, в свою комнату. Любоваться небом в обществе той, которая все знала и которую он продал так дешево, что едва хватит на дорогу до Ниппура, он не смог. А Морада еще долго оставалась на крыше, шепталась со звездами и купала свои тонкие руки в лунном свете.

Утром, едва рассвело, двое стражников вошли в дом Старика. Заспанная служанка, стараясь не шуметь, отодвинула тяжелый засов и жестом показала на дверь комнаты, где спала Морада. Стражники были опытными, они знали, что тех, кого продали, лучше не будить, а забирать внезапно, чтобы не поднимать большой шум. Особенно крикливы дети и молодые женщины, которые из последних сил сопротивляются своей незавидной судьбе, оказавшись в руках черных воинов. Но, к удивлению, Морада не спала. Она сидела на своей постели одетая, а у ее ног лежал небольшой узелок с личными вещами, которые принадлежали ей, когда она была еще верховной жрицей. Один из стражников сделал было шаг в ее сторону, но она остановила его:

– Я пойду с вами добровольно и не причиню вам хлопот.

Стражники впервые видели женщину, которая не убегала, не кусалась и не кричала как резаная. Все же для надежности они решили, что один из них пойдет впереди, а другой за девушкой, чтобы она не сделала роковой ошибки и не попыталась сбежать по дороге.

Весь путь до Западных Ворот занял около часа, и с рассветом она вошла в дом своего нового хозяина, купца из ее родного города Ура, торговавшего тканями по всему свету.

В Тали-Газир купец приехал навестить свою сестру, которую выдали замуж в знатную семью этого небольшого города, и передать ей подарки от родственников в честь рождения ее первенца. Сегодня утром он собирался покинуть гостеприимный дом своей родственницы и вернуться в Ур. Поэтому слуг и рабов держали во дворе, чтобы они могли выступить незамедлительно, как только хозяин закончит утреннюю трапезу и попрощается с родственниками.

Морада попала в пеструю толпу рабынь, сопровождавших купца в путешествии, и с любопытством рассматривала странные одеяния и украшения женщин. Запертая в стенах своего храма и окруженная только жрицами и наставниками, она никогда прежде не видела таких ярких платьев. К ней подошла высокая дородная женщина лет тридцати и приказала развязать узелок, который Морада держала в руках. Морада удивилась:

– Зачем это вам?

Женщина рассердилась и несильно ударила девушку плеткой, которую всегда носила при себе на поясе и с которой обращалась мастерски. Удар был точно выверен так, чтобы на девушке не осталось следов, – а вдруг она понравится господину и он будет недоволен, что ему вместо гладкой шелковистой девичьей кожи придется трогать рубцеватые шрамы. Что-то было в этой девушке непонятное для Большой Мамки, как ее называли за глаза рабыни. Девушка вела се-

бя так спокойно и уверенно, будто она случайно оказалась среди рабынь и это недоразумение скоро выяснится. Морада отдала узелок Большой Мамке, и та неторопливо развязала его. Любопытные женщины окружили их, стараясь получше рассмотреть, что принесла с собой новенькая и чем тут можно поживиться. К их разочарованию, здесь не было никаких украшений, лишь пара свитков, медный диск, испещренный какими-то знаками, и треугольный прибор, совершенно им незнакомый. Девушки с презрением зашушукались меж собой.

– Ни золота, ни серебра, ни драгоценных камней!

– А держится так величественно, словно богачка какая!

Мамка строго взглянула на невольниц, и те разошлись. Женщина показала на незнакомые предметы и спросила:

– Что это за такое?

Морада поначалу удивилась странному говору надсмотрщицы, но потом поняла, что она из другого племени и что это не ее родной язык.

– Это мои вещи. Они помогают мне читать по звездам.

Женщина в страхе отпрянула от Морады:

– Ты колдунья?!

Морада отвечала спокойно, глядя женщине прямо в глаза:

– Я не колдунья. Когда-то я работала при храме, вот и научилась. А вещи эти мне подарила верховная жрица, Пуаби.

На какое-то мгновение в воздухе повисло молчание, по-

том раздался оглушительный хохот. Женщины, хватаясь за животы от смеха, подходили к ней и, показывая на нее пальцами, потешались:

– Пуаби!

– Рабыня знала саму Пуаби!

– Вот врет девка!

– Да тебе, простой рабыне, за версту к ней подойти бы не дали!

– Ты знаешь, какая охрана у Пуаби?!

– Кем же ты работала, если знавалась с самой Пуаби?!

Морада молча выслушивала весь этот вздор, ни говоря ни слова. Пусть этим глупым женщинам и кажется, что она несет что-то странное, но ее слова они запомнят и относиться к ней будут настороженно. И это хорошо. Ни друзья, ни враги сейчас Мораде не нужны.

Внезапно все стихло. На ступенях крыльца появился господин, и началась суматоха, обычная перед путешествием, в котором слишком много женщин и мало повозок. Старшие невольницы переругивались с младшими, споря из-за места в повозках. Никто не хотел идти пешком по такой жаре. Морада не стала занимать место в повозке и пошла рядом с охраной. Узелок ее забрала себе Большая Мамка, так что шла она теперь налегке.

Однако не привыкшая к таким испытаниям девушка вско-

ре поняла, что проделать весь путь пешком она не сможет. Силы ее были на исходе, ноги все чаще спотыкались о камни, а руки, все в ссадинах, были покрыты дорожной пылью. Падала она крайне неловко и к разгару дня была уже на себя не похожа. Молодой охранник сжалился над нею и подошел к повозке Хозяина:

– Господин! Та невольница, которую вы купили вчера, вся искалечилась.

Купец удивился и приказал остановить караван.

– Искалечилась?

Ему жалко было терять деньги. Ведь он купил эту рабыню только вчера и еще даже не осматривал ее. Он крикнул охране, чтобы привели Мораду. Купец взглянул на девушку и остался доволен. Крепкая, статная, почему же она так плохо переносит путь? Ведь шли они всего ничего – полдня! Уж не беременную ли ему подсунул Старик? Купец приказал позвать Надсмотрщицу и что-то тихо сказал ей. Большая Мамка отвела Мораду за ближайшие кусты и вскоре вернулась озадаченная. Она наклонилась к самому уху купца и сказала:

– Ваша новая рабыня еще девственница.

Купец удивился. Почему же тогда Старик запросил так мало? За девственницу он мог получить бы вдвое больше! Купец отпустил Большую Мамку и жестом подозвал Мораду.

– Как тебя зовут?

– Морада.

Девушка смотрела на него, не опуская глаз. Это слегка

раздосадовало купца, который привык объезжать новых кобылок. Он ждал от рабыни чего угодно – страха, слез, ненависти, но не горделивого спокойствия. Впрочем, Старик говорил, что до этого дня она была свободной горожанкой. Ладно, дома он объяснит ей, что к чему! Купец приказал, чтобы ей освободили место в одной из повозок, и караван снова тронулся в путь.

Морада была довольна. Купец обратил на нее внимание и заинтересовался ею. Деревянные колеса повозки мерно скрипели, и девушки засыпали друг у друга на плече, разморенные жарой. На плечо Морады легла красивая, совсем юная головка одной из служанок.

– Ты не против? Можешь прилечь на меня, а то сон совсем сморил. Мы так рано сегодня поднялись, еще Луна светила.

Сердце Морады защемило. Луна! Ее единственная сестра и подруга! Пока девушка не заснула окончательно, Морада спросила ее:

– А куда мы направляемся? Где дом нашего господина?

Девушка приоткрыла глаза и, зевнув, сказала:

– Мы едем в Ур.

Морада похолодела. Все, как сказали звезды. Она снова возвращалась туда, откуда так безуспешно пыталась бежать!

Дом купца Сансида был полон гостей, прибывших не только для того, чтобы насладиться диковинными угощениями из соседнего города, откуда только что вернулся купец. Всем не терпелось послушать необыкновенные истории, которые купец рассказывал всякий раз, когда возвращался из дальних стран, о том, как люди на рынке Тали-Газира могли глотать огонь, ходили по раскаленным углям и протыкали себя ножами, оставаясь совершенно невредимыми. Соседи удивленно качали головами и причмокивали молодое вино, которое хозяин щедро подливал в их чаши. За разговорами вечер пролетел быстро, и вот уже последний гость покинул гостеприимный дом. Угощение и рассказы – это то, что нужно людям, ведущим замкнутый образ жизни и выходящим за ворота города только в том случае, когда им угрожает пожар. Уважение и добрая слава – то, что нужно человеку, проводящему больше ночей своей жизни в дороге, чем дома. Сансид был доволен, и его благодушное настроение передавалось всем жителям этого большого дома. Прежде чем отправиться в свои покои, он раздал подарки домашним и одарил слуг мелкой монетой. Неторопливо шагая по длинной сквозной галерее дома, ведущей вдоль внутреннего сада на господскую половину, он вспомнил о новой рабыне. Сейчас, пожалуй, самое время попробовать ее. Он решил, что если

девушка ему понравится в постели, то он сделает ее своей четвертой женой и будет возить с собой в путешествия, куда бы он не направился. Для служанки она слишком нежная, а для младшей госпожи вполне подойдет. Он приказал, чтобы через полчаса Морада была готова к встрече и одета должным образом, а не как простолюдинка.

В ожидании любовных утех он совершил самые тщательные омовения и надел свободный халат из тончайшего хлопка. Сансид сел возле распахнутого окна, наслаждаясь звуками ночи, погруженный в сладкие мечты зрелого мужчины.

Наконец в саду послышались быстрые легкие шаги, которые направлялись из темноты к дому. Сансид провел рукой между ног. Напряжение нарастало. Он поднялся с кресла, немного прошелся по комнате и глотнул свежей воды из кувшина. Занавеси на двери чуть отодвинулись, и перед ним предстала девушка в красном домотканом платье. Она приветствовала своего господина легким поклоном и неторопливо вошла в комнату. Сансид с удовольствием рассматривал ее необычные черты, не характерные для уроженок этих мест. Он мучительно вспоминал и никак не мог вспомнить, где он прежде мог видеть это лицо. Судя по ее точеным чертам, девушка была откуда-то с севера.

– Кто ты? Кем были твои родители?

– Мое имя Морада. У меня нет родителей, господин.

Сансиду нравился ее голос. Ему нравилось все в этой девушке.

– Откуда ты родом?

– Я родилась в Аккаде.

Сансид удовлетворенно кивнул. В свете Луны лицо девушки было прекрасным и бледным, словно сотканным из серебристого света. Она подошла к нему ближе, и внезапно влечение покинуло его. Поначалу Сансид удивился и решил, что всему виной усталость, но в звенящую темноту комнаты уже вползало странное чувство, и это был Страх.

Сансид в ужасе отпрянул от девушки. Он вспомнил, где видел ее. Год назад один молодой жрец предложил ему за немалую сумму тайком взглянуть на Богиню Луны, когда та выходит на прогулку в ночь полнолуния. Пуаби шла, словно плыла в лунном свете, и лицо ее было точь-в-точь таким же, как он видит сейчас перед собой. Сансид попытался отогнать видение, но Пуаби была реальностью, которая возникла из Лунного света. Она смотрела на него как ни в чем ни бывало, и от этого ему становилось все страшнее. Не в силах больше произнести ни слова, он застыл, словно окаменевшая статуя. Теперь уже девушка задавала ему вопросы:

– Где ты мог видеть меня раньше, ведь я никуда не выходила из своего Храма?

Сансид заплетающимся языком с трудом промолвил:

– Я подкупил жреца, чтобы он показал мне тебя, когда ты

гуляла в саду в полнолуние.

Морада рассмеялась:

– Обычно девушки не гуляют при полной Луне?

Сансид был так очарован Богиней Луны, что не смог забыть ее. И вот теперь она обращалась к нему. Он поразмыслил немного и осмелился спросить:

– Да, но почему?

– Они думают, что если Луна увидит их красоту, она незаметно будет красть ее, вытягивая соки из молодого тела своими лунными нитями.

– А ты не боишься?

– Нет. Луна – это я. На небе лишь мой двойник. Я не могу бояться самой себя.

– Но как ты попала сюда? Я и представить не смел, что в моем скромном доме я буду разговаривать с самой богиней Луны!

Морада улыбнулась. Все идет так, как она предсказывала. Ее судьба опять меняется. Пусть этот дом скромный, но теперь здесь все будут служить только ей! Сансид словно услышал ее мысли.

– Не хочет ли Богиня сесть и рассказать, какая необыкновенная нить событий привела ее в мой дом?

Он показал на большое кресло у окна, подушки которого были набиты конским волосом. Морада не стала отказываться и удобно расположилась в кресле. Купец уселся рядом у ее

ног. Она рассказала свою историю, и Сансид возблагодарил Небо за оказанную ему милость. Всеми силами он старался не упустить свое счастье.

– Я полагаю, что не стоит никому знать ваше истинное имя и то, кем вы являетесь. Но и простой рабыней вы быть не можете.

Морада согласилась с ним.

– Ваш дом будет вне опасности, если никто не узнает, кто я. Но во избежание ненужной огласки следует срочно забрать у смотрительницы мои вещи, чтобы глупая женщина не продала их на рынке. Если эти вещи увидит кто-нибудь из слуг лугалья или жрецов, то ниточка непременно приведет в ваш дом. И добром это не кончится.

Сансид вскочил и крикнул слугу.

– Приведи сюда смотрительницу!

Слуга замялся. Никто из домашних не смел нарушать сон Большой Мамки. Но господин сверкнул глазами так, что тот бросился со всех ног. Спустя некоторое время на пороге комнаты стояла Смотрительница и с удивлением смотрела на Мораду, сидящую в кресле господина. Сам купец стоял посреди комнаты в ожидании нерасторопного слуги. Увидев Смотрительницу, он тотчас спросил:

– Где вещи Морады?

Большая Мамка стояла в дверях, не в состоянии постичь происходящее. Поняв наконец, чего от нее хотят, она попыталась увильнуть:

– Мне это неизвестно, господин. Я взяла узелок вашей рабыни, чтобы убедиться, что она не прячет нож или какое другое оружие. Но потом положила его куда-то и теперь не могу найти. Может, в дороге потерял, а может, взял кто из слуг.

Купец не отрываясь смотрел на нее, и некуда было укрыться от его пронзающего взгляда.

– Тогда прикажи разбудить всех, кто есть в доме! Пусть обыщут все сундуки! И если вещи не будут найдены, тебя повесят на воротах за воровство!

Холодный пот заструился у Большой Мамки по спине. Нижняя рубаха в одно мгновение оказалась мокрой, хоть выжимай. И что это за девка такая, что хозяин сам ищет ее странные вещи?!

Смотрительница рухнула на колени и зарыдала:

– Я верой и правдой служу моему господину! За что мне такое несчастье?! Кто мог так подло оклеветать меня?!

Купец прикрикнул на нее:

– Хватит! Убирайся отсюда! И если через час ты не принесешь мне все, что было в узелке, берегись!

Смотрительница, подобрав юбки, опрометью бросилась вон из комнаты, и через час на невысоком резном столике лежали наугольник, медный диск и два свитка. Морада была довольна.

Сансид пребывал в некотором затруднении. Что теперь делать? Если никто не должен знать о Пуаби, то как ему представить свою госпожу? О том, чтобы жениться на ней, и речи не было. Он не мог предложить богине такой мезальянс. Морада сама пришла ему на помощь.

– У тебя несколько лет назад пропала сестра. Говорят, что ее похитили в дороге разбойники, напавшие на караван твоего отца. Родители твои уже сошли в царство мертвых и не смогут опознать своего ребенка. Поэтому ты можешь сказать всем, что нашел свою сестру.

Купец изумился, откуда Морада могла знать про его сестру. Но, вспомнив, кто перед ним, решил, что это и есть лучший выход из затруднительной ситуации, в которой он оказался...

Новости быстро распространялись по дворцу. С самого раннего утра все только и говорили, что о чудесном превращении простой рабыни в сестру господина. Сплетни прислуги, достигнув верхних покоев, дошли до Первой жены купца Хедуанны. Хедуанна была женщиной зрелой, родившей Сансиду двух сыновей, которые подрастали на радость родителям и слыли весьма разумными юношами среди купеческой гильдии. Служанка, приводившая в порядок утреннюю прическу Хедуанны, то и дело наклонялась к самому уху своей госпожи и быстро шептала:

– Говорят, что господин отдал ей свои покои. Где это видано, чтобы женщина оставалась на мужской половине?! Да еще в покоях самого господина?!

Хедуанна с удивлением посмотрела на служанку:

– А где же теперь комната господина?

Служанка пожала плечами.

– Я точно не знаю, но кто-то из прислуги говорил о том, что надо перекрасить стены в малом зале. Может, господин решил обосноваться там?

Хедуанну встревожили эти новости. Порядок в доме был нарушен неразумным поведением Сансида. Если он потерял голову от счастья, то ее, Хедуанны, прямой долг – помочь мужу. Никто из слуг до выяснения обстоятельств этого

странного дела не должен покидать дом, чтобы не разносить сплетни по городу. Не хватало еще, чтобы по рынку пошла дурная слава о доме Сансида!

Хедуанна оглядела себя в зеркале и осталась довольна. Хотя эта служанка и не в меру болтлива, но дело свое знает хорошо, и прическа выглядит безупречно. Хозяйка решила спуститься вниз, чтобы быть в курсе событий, происходящих в доме. Две младшие жены тоже сгорали от любопытства, но сойти вниз без одобрения Хедуанны пока не решались.

Слуги, сновавшие внизу, не сразу заметили госпожу, которая стояла за колонной, с бесстрастным видом наблюдая и прислушиваясь к происходящему. Наконец она остановила личного слугу Сансида, пробежавшего мимо нее с озабоченным видом. Он низко поклонился госпоже и постарался улизнуть. Но Хедуанна задержала его:

– Хадад, что здесь происходит?

Юноша робко взглянул на госпожу и сказал:

– Господин велел открыть малый зал, тот, что предназначен для приемов гостей, прибывших издалека.

– Зачем? Разве мы кого-нибудь ждем?

– Мы никого не ждем, госпожа. Хозяин сказал, что в этой комнате будет жить его сестра, которую он привез из Тали-Газира.

– Но у хозяина всего одна сестра, и ему незачем привозить ее из Тали-Газира. Она живет в большом доме с мужем и

своим первенцем. Разве твой господин не ездил поздравить ее с благополучным рождением мальчика?

– Да, госпожа. Но есть еще одна сестра...

– Почему же я ничего не знаю о ней?

– Потому что эта сестра пропала несколько лет назад, и вот теперь наш господин нашел ее.

Хедуанна отпустила слугу. Все это выглядело очень странным и непонятным. Она слышала о несчастье, постигшем семью Сансида несколько лет назад. Тогда был захвачен караван отца Сансида с богатыми тканями. Сансиду и одной из его сестер удалось бежать, а отца взяли в плен, чтобы получить выкуп. Но никто не знал, что случилось со второй сестрой. Говорили, что главарь разбойников взял ее себе в жены, пленившись красотой девушки. С тех пор не было никаких известий о ней. И вот теперь весь дом гудит как улей, а слуги рассказывают друг другу сказки, одну нелепей другой, о найденной сестре. Хедуанна хорошо представляла себе, что такое разбойники. Их главарь наверняка, насытившись девушкой, продал ее кому-нибудь в рабство. Хозяйка вспомнила, как Большая Мамка хвасталась вчера, что хозяин выгодно купил молодую рабыню-девушечку. Что-то здесь не так. И Хедуанна исполнилась намерения выяснить все незамедлительно.

Добиться правды от мужа не представлялось возможным, и она отправилась в прачечную, где Большая Мамка следи-

ла за стиркой белья для жен купца. Девичьи визги и крики Смотрительницы смолкли, как только хозяйка вошла в просторную комнату с невысоким каменным потолком. Большая Мамка сняла намокший передник и поклонилась госпоже.

– Что привело сюда высокочтимую госпожу?

Хедуанна сделала знак, чтобы рабыни оставили их наедине. Девушки быстро сорвались со своих мест и разношерстной стайкой выпорхнули из комнаты. Большая Мамка недоумевала:

– Почему госпожа не приказала мне явиться в верхние покои? Стоило ли утруждать себя? Я бы незамедлительно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.